

ДОКУМЕНТЫ И СУДЬБЫ

«НОВЫЙ МИР» печатает «Архипелаг ГУЛАГ». Объявлено о публикации других произведений Александра Солженицына. Естественно желание знать: как относится писатель к событиям, происходившим на родине? Каковы его планы? Но, к сожалению, все попытки получить прямые ответы на эти вопросы разбиваются об одно обстоятельство — с 1983 года писатель отказывается от встреч с журналистами. Редчайшие исключения составляют интервью в связи с изданиями переводов «Августа четырнадцатого».

Когда литературный представитель Солженицына в СССР Вадим Борисов по командировке журнала «Новый мир», сотрудником которого он является, уезжал в США, чтобы обсудить с Солженицыным ряд издательских проблем, несколько газет обратилось к нему с просьбой убедить писателя ответить на ряд вопросов, прервать затнувшееся молчание. Солженицын ознакомился с предложенными ему вопросами, но своего решения не изменил.

Обозреватель «ЛГ» Алла ЛАТЫНИНА беседует с Вадимом БОРИСОВЫМ о впечатлениях и итогах этой поездки.

оказалось, положение. Забор потому так поразил воображение журналистов, что, строго говоря, в Америке это не принято. Солженицын даже извинился перед соседними фермерами за этот забор, функция которого скорее символическая — подчеркнуть право писателя на частную жизнь. На рабочий покой. И надо сказать, жители Вермонта прекрасно это поняли и ува-

тришний? Наверное, есть еще штат по мощинов?

— Ну, это одно из чудес, сопровождающих Солженицына. Работоспособность и производительность этой семьи действительно баснословная. Никакой прислуги в доме нет. Два раза в неделю приходит секретарь Солженицына, который помогает вести иностранную переписку. Все остальное — на Наталье Дмитриевне и ее матери — Екатерине Фердинандовне. Семья Солженицына — это и научно-исследовательский институт, и издательство, и наборный цех. Быт семьи очень аскетичен, и все подчинено делу жизни Солженицына.

— Следит ли Солженицын за тем, что происходит на его родине?

— Несомненно.

— Но почему он никак не откликается на эти события? Вы его спрашиваете, почему он не хочет выразить своего отношения к происходящему?

— Солженицын хочет вернуться на родину не газетным мифом, а самим собой. Он хочет, чтобы его знали прежде всего как художника, он считает, что он выразил себя прежде всего в прозе. И там уже рассмотрены почти все вопросы, к обсуждению которых мы приступаем только сейчас.

— Это обстоятельство существовало и несколько лет назад. Но оно не мешало

рекомендовать себя его сторонниками. Солженицын мог бы по крайней мере высказать свое отношение к этим претензиям и к ведущейся в стране литературной борьбе.

— В общих чертах он его высказал. Могу повторить: он считает, что в этой борьбе есть позорные черты, что ни по своему уровню, ни по глубине, ни по характеру эта борьба не соответствует тем задачам, которые стоят перед страной, находящейся в кризисном состоянии, и что дело писателя сейчас — объединять все живые силы, а не заниматься мелкими драмами.

— Но ведь важно сформулировать это. Возможно, слово Солженицына оказало бы отрезвляющее действие на общественность.

— Я понимаю, Алла Николаевна, вашу точку зрения. Но можно понять и нежелание Солженицына выступать из-за океана в качестве перестроечного публициста. Все-таки Солженицын 15 лет находится в отрыве от страны. Он ответственно относится к своему слову, и вполне понятно его нежелание каким-либо невзвешенным словом сдвинуть ситуацию в нежелательную сторону. Когда он вернется, его возвращение будет, я думаю, и возвращением к прямым оценкам.

— А он вернется?

гой. Я получил уже ряд предложений от издателей.

— Как относится Александр Исаевич к издательским планам? Как шла ваша совместная работа?

— Весьма успешно. Я привез полностью подготовленный к печати семитомник, который будет выпущен только что образованным при редакции «Нового мира», на кооперативных началах, издательским центром.

— Вы уже утверждены главным редактором этого издательского центра? Не могли бы вы рассказать подробнее о его планах? Что вы будете делать помимо издания семитомника Солженицына?

— Печатают книги авторов «Нового мира». И кроме того, служат координационным центром по изданию Солженицына. Мы надеемся также, что после семитомника, куда войдут роман «В круге первом», повесть «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и рассказы, приступим к публикации «Красного колеса». Возможно, к тому времени «Апрель семнадцатого» будет закончен и читатель сможет получить целиком все десять томов этой грандиозной исторической эпопеи. Конечно, на первых порах такие задачи мы сможем решить только в сотрудничестве с другими заинтересованными издательствами.

— Будет ли напечатан «Бодялся теле-нок с дубом»?

— Да, текст этой захватывающей литературной автобиографии, недавно переработанной автором, я тоже привез с собой. Журнал «Новый мир» предполагает напечатать ее в конце 1990 или в начале 1991 года, сейчас точно не могу сказать.

— А какие солженицынские вещи будут напечатаны в 1990-м в «Новом мире»?

— Залыгин уже говорил об этом. Но могу повторить: сначала — «В круге первом», начиная с январского номера. Затем — после небольшого перерыва — «Раковый корпус».

— Куда идут гонимые за русское издание «Архипелага»?

— Гонимые за все — без исключения — издания «Архипелага» отдаются автором на благотворительные цели.

— Ряд других журналов тоже объявил о публикации Солженицына. По-скольку все права у «Нового мира», возникает вопрос: чем вы руководствовались, уступая эти права? Принимал ли участие Солженицын в распределении «узелов» «Красного колеса» между журналами?

— Мы руководствовались очень простым соображением: «Новый мир» напечатать все просто не в силах, а возвращение Солженицына к читателю не стоит затягивать. Журналы, которые первыми объявили о своей готовности печатать отдельные узлы «Красного колеса», получили это право. Солженицына печатают журналы разных направлений, и, разумеется, сам факт публикации в том или ином журнале не означает, что писатель разделяет направление этого журнала.

— Солженицын просил вас регулировать процесс издания его произведений в СССР. В какой степени удается это делать? Появляется ряд публикаций, нарушающих авторское право Солженицына и явно некорректных по отношению к писателю. Печатаются, например, письма, посланные Солженицыну и, стало быть, ему принадлежащие, выдергиваются отрывки из публикаций, из старых интервью Солженицына. Вот, к примеру, в «Московском литераторе» 27 октября появился фрагмент из интервью 1978 года, напечатанного в «Вестнике РСХД». Текст как будто не искажен, но вырван из контекста таким образом, что Солженицын предстает в нем кем-то вроде публициста «Московского литератора». Фактически это фальсификация. Как отнесется Солженицын к такому рода явлениям?

— Резко отрицательно. Я не знал о намерении «Московского литератора», иначе я попытался бы остановить эту публикацию. Солженицын настаивает на своем праве выходить к читателю именно с теми произведениями, в которых обеспечена полнота его высказывания, а не с публицистикой, которую он запретил печатать кому бы то ни было, по крайней мере в течение двух лет. Этот запрет неоднократно пытались нарушить, и поэтому мне пришлось вступить в конфликт с разными органами печати. Это чрезвычайно неприятная сторона моей работы, но, к сожалению, неизбежная при наших литературных нравах. Подлинный читательский интерес к Солженицыну не должен сводиться к ярмарочному возбуждению вокруг его имени.

— Воюю, этого ярмарочного возбуждения, создающегося в беспорядочных публикациях, так же трудно избежать, как и потока торпильных статей и высказываний. То, что Солженицын — громадный литературный талант XX века, постепенно осознается многими. То, что он не вмещается в рамки привычных идеологических толкований, осознается с трудом. Отсюда множество интерпретаций Солженицына, борьба вокруг него, за него, против него, смешные попытки объяснить писателя масштаба Толстого и Достоевского сторонником одной узенькой группы и комичные попытки «развенчать» его. Вы же думаете, можно противостоять этому? Нет!

— Прежде всего — изданием большого количества солженицынских текстов. Я думаю, они успешнее всего развеют весь тот вздор, который был наговорен вокруг Солженицына за много лет.

У Солженицына,

— Вадим Михайлович, вы привезли Солженицыну номера «Нового мира» с главами из «Архипелага». Как он воспринял эту публикацию?

— Он бесконечно счастлив, что соотечественники наконец прочтут эту книгу. С радостью, к которой примешивалась горечь упущенных лет, я наблюдал, как Александр Исаевич разглядывает журнал, листает странички, раскрывает и закрывает снова, улыбается и повторяет: «Не может быть»...

— Верил ли Солженицын, что публикацию удастся осуществить?

— Что касается неизбежности публикации «Архипелага» на родине, так он верил в это всегда. 18 января 1974 года, в самый разгар кампании против него, Солженицын писал: «Я уверен, что скоро наступит время, когда эту книгу в нашей стране будут читать широко и даже свободно». Но напомним, что последние два года шла настоящая борьба за публикацию Солженицына, и она развевалась достаточно драматично.

— «Новый мир» предполагал начать с «Ракового корпуса»?

— Совершенно верно. Еще весной 1988 года Сергей Павлович Залыгин написал Солженицыну письмо с просьбой разрешить опубликовать «Раковый корпус». Солженицын ответил, что его возвращение на родину должно начинаться с публикации «Архипелага».

— Тогда многим казалось, что максимализм Солженицына может повредить делу, что лучше уж начать с вещей, политически не столь острых, — «Ракового корпуса», «В круге первом».

— «Архипелаг» — книга, за которую Солженицын был выслан, лишен родины, и, мне кажется, можно понять чувства писателя, который сказал, что не может переступить через память загубленных миллионов. И Залыгин, и редакция «Нового мира» понимали это, когда приняли решение печатать «Архипелаг».

— С января 1989 года?

— Да, но публикация тормозилась, откладывалась, хотя ее продвижение очень подталкивали настроения общенациональные, и, впрочем, прошедшие в декабре 1988 года, связанные с 70-летием Солженицына, и обращения многих видных деятелей культуры, и напоминания за возвращение Солженицыну гражданства СССР.

— Солженицын следил за тем, как развевалась эта борьба?

— Он очень погружен в свою литературную работу, но, несомненно, следил. Он очень высоко оценивал решимость и твердость Сергея Павловича Залыгина и тех, кто его поддерживал. Об этом свидетельствует и письмо Солженицына Залыгину, написанное 11 августа 1989 года, еще до выхода августовского номера с главами из «Архипелага».

— Нельзя ли процитировать его?

— Для этого нужно разрешение Сергея Павловича. Письмо адресовано ему. (Разрешение было позже получено.)

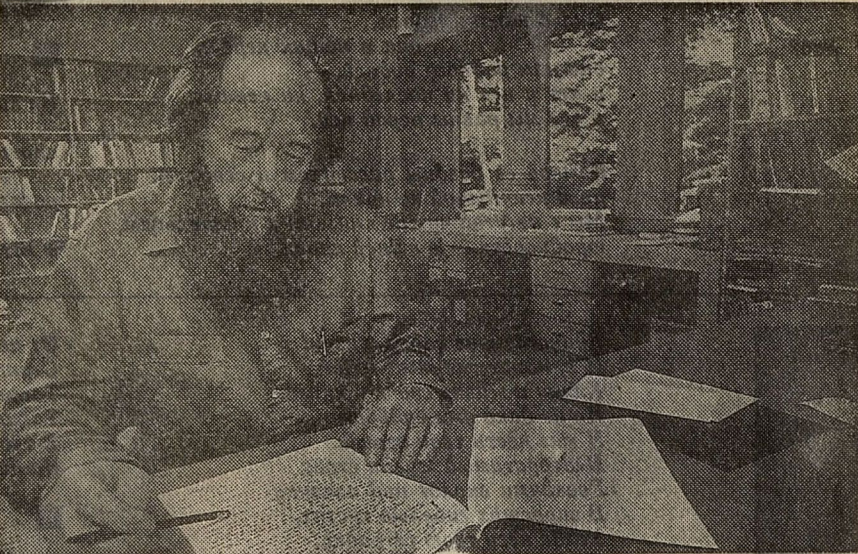
«Я сердечно благодарю Вас, — пишет Солженицын, — за все Ваши шаги, решения, твердость. Теперь остается с надеждой ждать результатов. И я ощущаю ту же с вами общность — в тревоге о нашей литературе, столь много лет живущей под удушающим давлением. А теперь — по-моему опасный и болезненный период внезапного перехода к разбору мнений... Все это тоже будет пережить Вам нелегко. Но направление Вашего журнала показывает, что Вы это отлично понимаете и терпеливо работаете на пользу следующих, вышедших уровней. Мне радостно возвратиться в свободный литературный поток через «Новый мир». И надеюсь сотрудничать с ним отныне долго...»

— Но несмотря на очевидную победу, Солженицын опасался, что публикация опять что-нибудь может повредить, что в последний момент она сорвется!

— Он допускал такую возможность. В данном случае я выступал его оппонентом.

— Вы переписывались, разговаривали по телефону?

— И то, и другое. Но вообще-то говоря, Солженицын почти не пользуется телефоном, считая его личным врагом. В его рабочем кабинете телефона нет, и даже с сыновьями он предпочитает, если они в отъезде,

Писатель в рабочем кабинете

переписываться, а не говорить по телефону.

Небольшое отступление. Я не раз сталкивалась с вопросом: почему именно Вадиму Михайловичу Борисову доверил Солженицын распоряжаться своими правами в СССР.

Несколько штрихов из биографии моего собеседника. Начало 1970-х годов, Солженицын работает над первым томом «Красного колеса» — «Августом четырнадцатого». Аспирант Института истории АН СССР Вадим Борисов среди тех, кто помогает в этой работе. Осень 1973 года. Солженицын и несколько его единомышленников готовят сборник «Из-под глыб» (знание его, соизмеримое, мне кажется, со значением знаменитых «Взвешиваний» писателя, осознать В. Борисов — среди авторов этого сборника. Январь 1974 года. Идет антисолженицинская кампания, вызванная публикацией за рубежом 1-го тома «Архипелага»: «антисоветская стриптиз», «отравитель атмосферы разрядки», «посылающий отщепенца Солженицына». Пожалуй, самый горестный момент — пориски видных деятелей науки и культуры, понимавших подлинный писательский масштаб Солженицына, под негодуемых письмами. Сейчас принято истинно перетрачивать подлинных старых газет. Но гораздо важнее благодарно вспомнить мужественные голоса в защиту Солженицына. Голос Вадима Борисова, напомнившего об ответственности интеллигенции перед историей, его долг вступиться за писателя, был среди них.

Вадим Михайлович, вы были из близких к Солженицыну людей. Когда вы помогли мне Солженицына? Наталье Дмитриевне показывали его архив после изгнания писателя, когда прощались с его семьей в аэропорту, предлагали ли вы, что возможна встреча? Как вы пережили его? Изменился ли Солженицын?

— Конечно, встреча, казавшаяся немислимой, была потрясением и для меня, и, я думаю, для них. Я не предполагал, что мы когда-либо увидимся, во всяком случае — при таких обстоятельствах. Никаких глубоких изменений в Солженицыне я не нашел. Конечно, пятнадцать лет есть пятнадцать лет, ни для кого из нас они даром не прошли. Но для своего возраста и невероятной биографии Солженицын выглядел хорошо. Он бодр, быстр, подвижен. Свою феноменальную работоспособность он сохранил по сей день.

— Когда вы гостили у него, он продолжал работать?

— Воюю, я сильно нарушил его рабочий ритм. Кроме того, мы обсуждали дела, связанные с изданием его вещей в СССР. Но все же он не отказался, разумеется, от своих ежедневных занятий.

— Вы, видимо, лучше многих были осведомлены об образе жизни Солженицына в Вермонте. И все же не увидели ли вы то, что описал? Мне, например, приходилось читать об огромном имении, обнесенном высячонным забором под тоном, слышать шуточки насчет того, что Солженицын возмущен в Вермонте привычную «зону» с колочей проволокой и охраной.

— Да, рассказов таких было много, и все — полная чушь. Забор как забор, тонкая ажурная металлическая сетка на высоте среднего человеческого роста. На многих подмосковных дачах заборы и выше, и основательнее. Перемахнуть же через забор, ограждающий участок Солженицына, который, кстати, оказался не так уж и велик, ничего не стоит. Хотя в этом нет необходимости, потому что ворота открыты и это их нормальное, как

жалуют его волю. Я собственными глазами видел на дверях почты в ближайшем городке Кавендише объявление: «Адрес Солженицына не даем, дорогу к дому не показываем».

Вообще, надо сказать, с соседними фермерами у Солженицына сложились очень теплые отношения.

— Чего нельзя сказать о журналистском корпусе?

— Да, журналисты отравили ему жизнь изрядно. На него буквально охотились, фотографировали из-за угла. Собственно, отгородиться от журналистов и любящих их стрел и стремились Солженицын, воздвигая пресловутый забор, хотя он не всегда помогает.

— Что, прыгают через забор?

— Хуже. На него было совершено два вертолетных «налета». Один раз он играл с сыном в теннис, тут появился вертолет и стал буквально пикировать на них. Можете представить себе их ощущение. Потом снимки появились в западных журналах. Оцените нравы...

— А разве нет закона, по которому можно преследовать эти издания в судебном порядке?

— Есть, вероятно, но слишком уж много бумажной волокиты, чтоб затевать ее, когда так дорого время.

— Это правда, что Солженицын работает по 14 часов в день? И так до сих пор?

— Это правда. Со времени лагеря у него установилась привычка очень рано вставать, и он никогда не изменяет ей. Обычно он в шесть утра уже за письменным столом, и с коротким перерывом на обед, обычно 15-минутным, его работа продолжается до вечера, часов до восьми, а то и дольше.

— Как выглядит его рабочий кабинет? Это отдельный дом?

— На участке два дома. В одном живет семья Солженицына. Другой — это архив, библиотека, рабочий кабинет. Рабочий кабинет во втором этаже, большой, просторный, в нем шесть столов и на всех разложены выписки, рабочие материалы к «Красному колесу». Солженицын сейчас работает над заключительным узлом — «Апрелем семнадцатого».

— А что представляет собой архив?

— Солженицын обратился с призывом ко всем поколениям русской эмиграции сохранить имеющиеся у них воспоминания, написать, пока не поздно, о перекрестном. Он получил массу рукописей. Пришлось построить для них хранилище.

— Сохранилось ли с серией мемуарных материалов и исторических исследований, затеяной Солженицыным. Кто это издает?

— Да, уже вышло 9 томов из серии «Всероссийская мемуарная библиотека» и несколько томов «Исследований новейшей русской истории». Все это готовится тут же, в Вермонте. Набор на компьютер осуществляется Натальей Дмитриевной, а тиражирование — крохотное по нашим меркам — парижским издательством ИМКА-ПРЕСС.

— Но это же нечеловеческий объем работы! Ведь и собрание сочинений Солженицына, 18 томовных томов, набралось тоже в Вермонте Натальей Дми-

С женой и сыновьями

Солженицыну отвлекаться на публицистику, делать политические оценки, вступать в литературную полемику. Почему же теперь, когда его слово могло бы иметь куда более широкий резонанс и так много значить для нас, он замолчал?

— Хочу напомнить, что Солженицын имеет немалый опыт превратных толкований своих высказываний. Речь не столько о нашей официальной прессе, сколько об эмигрантской и западной печати, об извращении его высказываний в среде, которая рекомендует себя «демократической». Скажем, он призывает отказаться от имперской политики, предоставить всем народам право самим решать свою судьбу, а ему отвечают: изоляционист. Он призывает к полной гласности, призывает власти отказываться от законсервированной идеологии и дать людям свободно дышать, но не закрывает глаза на опасность национальной ненависти (что сбывается), национальных войн при внезапном введении демократии, а ему отвечают: авторитарист, монархист. Он напоминает о нравственных и духовных ценностях, об ответственности человека, о высоте его задач, а ему говорят: теократ. Он призывает к национальному раскаянию, настаивая на том, что безнравственно стремление создать «образ врага», а ему отвечают: националист, а то — антисемит.

Вы считаете, что наиболее успешную антисолженицинскую кампанию провела не наша официальная пресса в начале 70-х годов, действовавшая топорно, но те, кто сумел настроить часть эмигрантских кругов, а затем и общественное мнение Запада против писателя, обвиняя его в авторитаризме, национализме, антидемократизме и других несуществующих грехах?

— Несомненно. Хотя сегодня, когда общественность Запада стала все отчетливее осознавать истинное значение и масштабы Солженицына, мы порой видим, как люди, пытавшиеся дискредитировать писателя, выступают у нас в качестве его авторитетных истолкователей. Также одно из чудес, сопровождающих Солженицына.

Но тем больше оснований у Солженицына раздвинуть свою позицию — не для узкого эмигрантского круга, не для западного читателя, но для тех миллионов, кто ждет его книг здесь, на родине. И тому же, в стране идет острая идейная борьба. Имя Солженицына используется в ней. Мы сами упоминаем о людях, идейно чуждых писателю, которые

Неприменно вернется, для него даже нет вопроса. Но здесь все забывают, что гражданство ему не возвращено...

— Думаю, эта проблема скоро решится так или иначе. Не собирается ли Солженицын приехать предварительно, осмотреться, как приезжают сейчас многие?

— Я его спрашивал об этом. И он ответил, что туристом на свою родину он не поедет. Трудно назвать сроки его возвращения, но это может произойти не раньше, чем он закончит «Красное колесо».

— А семья? Многие наши эмигранты не могут вернуться уже потому, что дети выросли и стали гражданами других стран. Готовы ли к этому сыновья Солженицына, выросшие в Америке?

— Солженицын и его жена сделали все, чтобы они остались русскими. Их русский язык намного лучше и богаче, чем язык их многих сверстников здесь. В итоничности иногда чувствуется влияние иного языка: они учились в американских школах. Разумеется, у них есть свои интересы. Старший сын, Ермолай, занимается проблемами Востока и очень этим увлечен. Второй сын, Игнат, — уже концертирующий пианист, о нем пишут как о подающем большие надежды музыканте. Третий мальчик, Степан, учится в колледже святого Павла. Но все мальчики в той или иной степени Солженицыны, гордятся тем, что носят эту фамилию, понимают, что значит их отец для русской литературы. Все они очень много ему помогли, в частности в работе над словарем русского языкового расширения.

— Это словарь, составленный Солженицыным? Что он собой представляет? Вы его видели?

— Я привез для публикации его рукопись. Солженицын считает, что в XX веке русский язык необыкновенно осквернен и что мы совершенно напрасно отказались от своего громадного лексического запаса. Это не словарь всего русского языка, а словарь только тех слов, которые неправильно, по мнению Солженицына, из русского языка исчезли, а могли бы сообщить ему большую гибкость, выразительность.

— Он будет у нас издан?

— Да, его начинают в будущем году печатать журнал «Русская речь», а затем он выйдет и отдельной кни-